

Из истории народа России храмы всегда являлись главным центром религиозно-культовой жизни общины. Духовенство, богатые торговцы и Татарская ратуша выступали главными блюстителями порядка в духовном анклав. Если занятость в частном или государственном учреждении в русской части города или на промышленном предприятии считалась веской причиной для отклонения от соблюдения своевременного исполнения пятидневной молитвы и пятничного общественного намаза, то наблюдавшаяся аналогичная ситуация среди татарских торговцев, имеющих свое «дело», серьезно беспокоила местную предпринимательскую элиту и имамов, чувствующих себя ответственными за нравственное состояние уммы. Таким злополучным местом стал городской восточный рынок, получивший в обиходе, затем и в официальном делопроизводстве наименование «Сенной базар», где порой наблюдались негативные явления. Не случайно сами татары именовали рынок «кофер почмагы». На рубеже XVIII-XIX в. мусульмане, прибывшие на рынок, посещали мечеть (№ 5), построенную в 1798 г. купцом Мусой Мамяш и располагавшуюся на Тихвинской улице (современная улица Тукая, 40), где богослужение велось с 1800 г. Именно поэтому она в народном лексиконе именовалась базарной мечетью. До нее необходимо было пройти целый квартал – уходило значительное время. Поэтому для части прибывших на торги мусульман это обстоятельство становилось веским предлогом для воздержания от общественного богослужения.

Согласно менталитету правоверных XIX в., одним из важных элементов в наведении «мусульманского порядка» и придании поликонфессиональному базарному сообществу благочестия считалась организация общественного богослужения для торгующих слобожан единоверцев. «Молитва, обязанность столь священная, что мусульмане называют ее столпом веры и ключом к раю», – писал современник Н.Холмогоров. Поскольку по близости свободного, пригодного (ухоженного) участка для совершения богослужения даже в летнее время не было, речь могла идти исключительно о возведении стационарной молельни - исламском храме, главным предназначением которого становилось исполнение религиозных потребностей торгующих на базаре мусульман.

Первая попытка в этом направлении мусульманской промышленно-торговой элитой Казани была предпринята в первой четверти XIX в. 15 января 1815 г. губернское правление удовлетворило прошение представителя известного с конца XVIII в. купеческого семейства Китаевых – 1-й гильдии купеческой вдовы Габиды Китаевой о постройке каменной мечети на пустопорожном месте «среди татарских домов близ Сенного базара против дома и лавок купца Юнусова». Однако духовная власть «увидела» препятствие в построении мечети в том, что из-за ее близкого расположения к церкви Четырех Евангелистов «может приходить от оклика магометан (азана – И.З.) к богослужению христианскому помешательство». Закон был на стороне православных священнослужителей: одним из неперемных условий постройки мечети выступало требование отсутствия соблазна для проживающих совместно с мусульманами христиан и новокрещеных татар. В православном церковном ритуале сакральное значение имели

и колокольный звон, и церковная музыка. Особенности христианского культа церковнослужители механически проецировали на исламское богослужение, воспринимая призыв к молитве как проявление религиозной пропаганды, могущей негативно сказаться на настроении паствы. Получив протесты казанского архиепископа Амвросия и духовной консистории, губернатор не стал утверждать коллегиальное постановление правления. Во исполнение указания духовной власти губернское правление своим новым журнальным постановлением от 10 мая 1815 г. рекомендовало Габиде Китаевой воздержаться от строительных работ на первоначально определенном участке и подыскать «другое свободное и приличное место». Известие о первоначальном разрешении властью на возведение исламского богослужебного здания к этому времени, несомненно, стало уже достоянием гласности и нетрудно представить, как широко обсуждалось и комментировалось татарской общиной двойственное поведение гражданской администрации, своим волевым решением лишившее умму новой городской мечети.

В 1830-е гг. огромное влияние в татарской общине приобрели сыновья Мухаметрахима Исхаковича Юнусова, выделившегося в купеческое сословие из служилых татар Казани еще в период правления Екатерины II, Габдулькарим (1767-1821) и Губайдулла (1776-1842). Вполне вероятно, что Губайдулла Юнусов знал историю, случившуюся с Габидой Китаевой. Мысль о возведении мечети у младшего из братьев возникла как бы случайно. Однажды во время намаза он пришел на базар и невольно обратил внимание, что все татары, поглощенные торговлей, игнорируют общественную молитву. Совершение пятивременной молитвы являлось фарыз – обязательным предписанием ислама, соблюдение которого являлось савабом. «Как уговорить этих горожан читать молитвы?» – забеспокоился купец. Так возникла идея о постройке базарной мечети. «Если каждый сдержит свое слово быть правоверным, построю мечеть на этой площади», – поклялся он, решив создать условия для общественного богослужения.

Для начала купец обзавелся недвижимостью близ торговых мест – приобрел земельный участок, принадлежавший Г. Китаевой – тот самый, где купчиха предполагала построить исламское богослужебное здание. Однако Губайдулле Юнусову не удалось реализовать свою вожденную мечту – он умер осенью 1842 г., завещав сыновьям Ибрагиму и Исхаку претворить в жизнь свой замысел. Чувствуя себя полноправными хозяевами в Старо-Татарской слободе и не сомневаясь в моральной поддержке уммы, братья Юнусовы начали строительные работы без согласования с прихожанами. На первый взгляд, все было в рамках закона. Купцы заложили фундамент в собственном дворе и еще не было известно, что за сооружение вырастет из него.

Согласно воспоминаниям сына Исхака Юнусова, Габделкарима, отец рассказывал об истории строительства Сеннобазарной мечети следующее. Когда братья во дворе стали рыть фундамент, показалась вода. После долгих раздумий по предложению архитектора, наблюдавшего за работами, поставили плот по длине траншеи и на плот положили гранитные камни. Это потребовало значительных средств (Исхак Юнусов сокрушался: на эти средства можно было возвести несколько мечетей). Затем стали наращивать основание здания кирпичом. Фундамент поднялся от земли на два аршина (1,4 м). Однажды на вечернюю молитву в церковь Четырех Евангелистов наведлся казанский архиерей. Архиепископ поинтересовался у священника церкви о строящемся

объекте. Узнав о намерении татар построить мечеть, архиепископ сильно разгневался, по его указанию строительные работы были приостановлены полицией.

В первый момент братья Юнусовы растерялись. Казалось, что идея о базарной мечети, как и двадцать восемь лет назад, останется нереализованной. Между тем один из русских знакомых посоветовал Ибрагиму Юнусову обратиться к губернатору с предложением открыть за свой счет приют и для воспитания сирот выстроить лавки и мечеть. Дело в том, что в декабре 1843 г. в Казани было открыто Губернское попечительство детских приютов ведомства императрицы Марии. Согласно Положению о детских приютах 1839 г. в его состав вошли губернатор – председатель попечительства, действительные члены общества – архиепископ Казанский и Свияжский, губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами, городской голова. Инициатива государства по привлечению пожертвований богатой прослойки российского общества, помимо традиционного сбора средств на возведение храмов, на социально значимые гуманитарные проекты, которые бюджет страны не мог осилить, стала одним из элементов модернизации страны по европейской модели развития. Учреждение сети детских приютов под патронажем императрицы Марии означало, по крайней мере, всяческое содействие монаршей инициативе со стороны местной администрации. В период разворачивания теории «идеальной монархии», сформированной в формуле «самодержавие – православие – народность», призванной осуществить кристаллизацию в общественном сознании всех слоев населения идеи единства престола и народа, данное начинание правительства имело и скрытно выраженный политический смысл. Тем не менее, даже в таком крупном торгово-промышленном центре Волго-Уралья, как Казань, к реализации установки монаршей воли местные власти приступили спустя 4 года после оглашения нормативной базы благотворительных учреждений. Как известно, купцы с некоторым недоверием относились к правительственным нововведениям. Нужно было время, чтобы обещаниями, призывами и уговорами о всемерной поддержке человеколюбивого начинания убедить консервативный торговый люд участвовать в новой форме благотворительности. К тому же проект предполагал не единовременное, а постоянное вкладывание средств, и немалых. Не случайно учредителями частных детских приютов становились самые богатые купцы города.

11 января 1844 г. в городе на средства купца А.Л. Крупенникова был открыт Николаевский приют. В официальном печатном органе коронной администрации – «Казанских губернских ведомостях» несколько ранее, 13 ноября 1843 г., было напечатано обращение: «Средства позволяют теперь пока учредить ... только один приют... Но неужели наше дворянство, купечество и другие сословия не захотят способствовать столь полезному делу? Неужели все те, кто только хранит в глубине своего сердца чувство любви к ближнему, кто не останется равнодушным к пользам сограждан, тот не примет в нем участие?» . Призыв был обращен к русскому обществу. Власти явно не ожидали отклика со стороны мусульманской предпринимательской элиты.

Для татар-горожан проблема заботы о сиротах и детях бедных в этот период стояла не так остро. В городе существовала многочисленная прослойка торговцев, поддерживавшая бедных единоверцев по нормам Шариата. Судьбу сирот община решала автономно, как внутреннее дело уммы. Карл Фукс по этому поводу отмечал: «Татары на счет вспомоществования бедным превышают русских, не по влечению

сердца, но из боязни и страха исполнять закон их строгого пророка, который говорит: что отдадите бедным на земле, то воздается вам на небесах; чем питаете и поите бедных, то будете кушать и пить в будущем сами, во что оденете их, в то облечетесь сами» .

Посоветовавший интересную идею русский друг братьев Юнусовых, очевидно, был в курсе происходивших в губернии общественных мероприятий и хорошо осведомлен о радении местного начальства решить важнейшую социальную проблему в городе. Советчик братьев Юнусовых был хорошо знаком с Положением о приютах и точно знал о необходимости строительства при детском учреждении домово́й церкви, как обязательного условия по обеспечению должного религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Именно о пожертвовании приюту торговых лавок и мечетью поставили вопрос лидеры татарской общины Казани.

Братья запросили аудиенцию начальника губернии, который во время разговора откровенно признался: «Сам ничего не могу решить. Передам ваше дело министру» . Убедившись в заинтересованности местной администрации в новом приюте и основательно прозондировав почву, купцы разработали оригинальный план, предполагавший, помимо исполнения завещания отца, реализацию еще одной мечты уммы.

Воочию почувствовав моральную поддержку руководства губернии, 8 марта 1844 г. «глава казанского татарского общества» Ибрагим Юнусов (в 1844 и 1845 гг. он избирался городской головой Казанской татарской ратуши) обратился в губернское правление с предложением об организации за свой счет приюта для татарских мальчиков. На реализацию благотворительного проекта купец планировал получить, кроме своих, капиталы брата Исхака и жены Биби-Мугруй Мухаметовой (по 2 тыс. руб. серебром с каждого) .

Потомственный почетный гражданин заявил о намерении построить «особый деревянный на каменном фундаменте дом, крытый железом, с потребными службами по фасаду», имеющего все атрибуты детского приюта. Вокруг дома планировалось «развести большой сад с украшениями для гулянья татарского общества, которое в своей части в сем нуждается». Предполагалось учредить парк отдыха, аналогичный тем, которые были разбиты в русской части Казани.

Местом материализации благотворительного проекта должен был стать участок, где до 1825 г. располагалась заброшенная и опустевшая церковь Захария и Елизаветы. После пожара она была разобрана и уничтожена. Руководство епархии не стало бы продавать мусульманам земельный участок храма под частное строительство. Купцы предполагали приобрести вышеуказанный участок у русского духовенства «на том основании, какое начальством будет признано выгодным, по сношению с казанским архиереем».

Прошение «некоронованного короля татарской общины» Ибрагима Юнусова об организации приюта было воспринято весьма благосклонно. 10 марта 1844 г. губернское попечительство, уведомляя об одобрении человеколюбивой инициативы 1-й гильдии купца, официально обратилось к казанскому архиепископу Владимиру с предложением уступить благотворителю принадлежащий духовному ведомству участок для будущего татарского приюта, за исключением того места, где находилась часовня.

30 апреля 1844 г. военный губернатор ходатайствовал перед Главным попечительством детских приютов о «высочайшем» разрешении учредить татарский приют.

Однако тандем купца-мусульманина и русского чиновника не сумел одолеть духовную

власть, привилегированное положение которой поддерживалось системой законодательства и царизмом – построить приют на данной территории не удалось. Архиепископ Владимир, напомнив о передаче недвижимости на вечное владение архиерейскому дому, ответил контрпредложением – сообщил о давнейшем намерении архиерейского дома устроить на этом участке «какое-либо богоугодное для бедных духовного звания заведение» . Как показали события, ответ оказался бюрократической отпиской,.

Приют открылся 6 декабря 1844 г. и первоначально располагался в вольнонаемном доме, принадлежащем малолетним детям купца Апанаева .

Вторая часть плана купцов предполагала передачу в вечное и безвозмездное распоряжение приюта части своих лавок на сумму 5 тыс. руб., приносящих ежегодный доход до 1400 руб. После реконструкции за свой счет этих каменных торговых лавок на Сенной площади, их ежегодный доход должен был вырасти до 2 тыс. руб. ассигнациями, став основным источником содержания детского учреждения. В «связке» с вышеуказанной реконструкцией, во дворе благотворитель планировал построить «по фасаду управляющим губерниею предложенным» каменную мечеть. Их чертежная документация была рассмотрена строительной и дорожной комиссией 24 августа 1844 г., спустя пять месяцев после заявления Ибрагима Юнусова о намерении учредить приют. Такая задержка объясняется, по крайней мере, следующими обстоятельствами. В прошении И.Юнусов заявлял о намерении построить мечеть единолично. Между тем основанием для рассмотрения такого ходатайства по закону являлся общественный приговор образующих новый приход постоянных жителей поселения. Для придания легитимности инициативе было необходимо в установленном порядке составить и представить данный документ. Именно об этом было заявлено просителю после рассмотрения его прошения. Требовалась также переделка первоначального варианта проекта мечети, составленного по «образцовому» плану 1829 г. с учетом требований новых «образцовых» планов 1843 г. Наше наблюдение основано на нескольких источниках. 1) На рассказе о истории строительства мечети Ибрагима Юнусова своему сыну Габделкариму, из которого однозначно вытекает, что закладка ее фундамента производилась до появления инициативы об организации детского приюта. Следовательно, это произошло в период действия «образцового проекта» 1829 г. 2) На факте утверждения проекта храма, когда в губернии получили новые «образцовые чертежи» мечетей. 3) На заявлении Ш.Марджани, что дети Губайдуллы построили мечеть на земельном участке, завещанном отцом . 4) На планировке и архитектуре базарной мечети.

С учетом того, что купец Ибрагим Юнусов стал хозяином примыкавшего к его лавкам владения умершего предпринимателя Исмагила Сулейманова по купчей крепости, зарегистрированной 18 января 1843 г., можно утверждать, что закладка фундамента храма осуществлялась в строительный сезон с весны (май) по осень (ноябрь) 1843 г. Как было сказано, о своем намерении учредить детский приют купец заявил в прошении от 10 марта 1844 г., в неблагоприятный для ведения грунтовых строительных работ период.

Чертежи в 4 экземплярах, представленные архитектором А.К.Ломаном на обсуждение своих коллег-чиновников 24 августа 1844 г., нам не удалось обнаружить. Поэтому о первоначальном проекте мечети можно судить исключительно по журнальной записи строительной и дорожной комиссии. В плане, составленном архитектором А.К.Ломаном,

были обозначены: «1) проход в мечеть; 2) мечеть; 3) лавки; 4) ворота; 5) двор; 5) место Юнусовых, занятое соседом». Существенным дополнением к этому источнику служит запись о намерениях купца И.Юнусова, предполагавшего «вновь воздвигнуть во 2-й части по Поперечной улице минарет и во внутри двора мечеть и перестроить состоящие на том месте лавки, пожертвованные в пользу детских приютов... просит дозволить ... ныне приступить по представляемому фасаду к устройству лавок до высочайшего утверждения плана» .

Как было сказано, храм проектировался за счет реконструкции существовавших торговых лавок. Такое «врастание» в градостроительную ситуацию также противоречило образцовому проектированию. Поэтому принятое комиссией решение было вполне предсказуемым: с учетом просьбы купца дозволить постройку лавок, обязав И.Юнусова, что «буде какое последует в рисунке изменение, то исполнить оное в точности без всякого прикосновения» .

На рассмотрение в верхах просьбы потомственного почетного гражданина был обеспечен «режим наибольшего благоприятствования»: в Главное управление путей сообщения и публичных зданий был представлен единый план реконструкции родовых лавок Юнусовых и постройки мечети. Лавки и будущий храм как бы «срослись» и составляли единое целое. Таким образом, было сделано все возможное, чтобы обойти согласование вопроса мечетестроительства с казанским архиереем. Проект был утвержден на основании «всепопданнейшего» доклада руководства Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В данном случае одобрение царем проекта (с указанием месторасположения мечети) оказалось равнозначным разрешению ее постройки.

В начале марта 1845 г. в Казани был получен из столицы 1 экземпляр рисунка мечети, который после копирования был передан просителю . Можно уверенно предположить, что Главное управление ограничилось минимальным вмешательством в совершенствовании проекта А.К Ломана, представив документы на рассмотрение российского государя.

Архитектура базарной мечети вызывает у специалистов неоднозначную оценку. В частности, Н.Х.Халитов пишет, что «Несмотря на ряд бесспорных достоинств, здание Базарной мечети нельзя отнести к числу творческих удач архитектора. Громоздкие объемы здания, подчеркнута пирамидальной композиции, архитектурно никак не увязаны с минаретом, который не соответствует ему ни массой, ни по высоте, ни по художественному образу. Не спасают положения и орнаменты на фасадах, немасштабные по отношению к тонкому стрелу минарета. Рассчитанная лишь на ракурсный обзор с севера, мечеть выглядит достаточно нелепо с большого расстояния с западной и восточной сторон» . По мнению Г.Н.Айдаровой, «Постановка вынесенного вперед минарета создает не только необычный эффект, но и тонкую режиссуру пространственных соотношений. Он деликатно отгораживает шумную базарную площадь от молитвенного зала...» .

Попробуем дать свою трактовку по «расшифровке» формирования архитектурных особенностей базарной мечети, разительно отличающейся от существовавших к этому времени исламских культовых зданий Казани. Как видно из фасада здания, храм состоит из нескольких частей. Прежде всего, это увенчанное куполом двухэтажное здание, где на верхней половине размещался овальный в плане молитвенный зал, выделенный монументальными аркадами. Купол поставлен на высоких восточной и

западной стенах. В разрезе четко видно, что по периметру храм представляет сильно вытянутый в направлении кыйблы восьмиугольник. Две удлиненные стороны восьмиугольника представляют западную и восточную стены здания. Храм выделяется из ранее возведенных мечетей отсутствием прямоугольных углов. Эта особенность задумки зодчего логично «вытекает» из образцового проекта 1829 г., имеющего в своем основании восьмиугольник с прямоугольными выступами (сени и михраб). Зодчий разработал его модернизированный вариант, исходя из площади земельного участка и расположенных здесь каменных лавок. Еще один элемент, «перекочевавший» с чертежа 1829 г. – это наличие нескольких входных дверей.

По «образцовому проекту» 1829 г. восьмигранное зальное помещение (каждая сторона по 7,75 аршин, или 5,5 м) имело с южного и северного торцов двухугольные соединения (5,5 x 7,75 аршин, или 3,9 x 5,5 м), формируя двенадцатиугольное помещение. Высота потолка составляла не менее 9 аршин, или 6,4 м, высота стен – 12,5 аршин, или 8,9 м. Высота храма с минаретом равнялась 25 аршинам или 17,80 м. (рис.1). Именно этим обстоятельством объясняются большие объемы мечети, превратившие культовое здание в доминанту градостроительного ландшафта, сформированного тогда в основном одноэтажными зданиями.

С учетом проделанной работы и сохраняя некоторые технические решения первого плана, зодчим был составлен второй проект, стилизованный под полученные новые «образцовые проекты», присланные в начале 1844 г. взамен прежнего. Закладка фундамента храма потребовала значительных финансовых затрат: купцы Юнусовы настояли на постройке здания на имеющемся фундаменте. Поэтому мечеть имеет планировку вытянутого восьмиугольника, хотя по «образцовым чертежам» 1843 г. должна была иметь прямоугольную форму. Крыши всех культовых зданий по проектам 1843 г. должны были стать куполовидными, что являлось одним из знаковых элементов их архитектурной композиции.

В связи с этим возникла проблема устройства минарета на другом месте (согласно плану 1829 г. многогранный толстый и невысокий минарет должен был располагаться в центре восьмискатной крыши, построенной под низким углом). Установка миниатюрных минаретов по углам здания не выше купола, не решали главной функции минарета – сооружения высотной площадки, места созыва муэдзином на общественную молитву правоверных.

Архитектор А.К.Ломан нашел единственный оптимальный выход, ухватившись за один из образцовых проектов, где на основании минарета располагался вход в здание (рис.2). Он в целом совпадал с его чертежом, рассмотренной администрацией в августе 1844 г. Буквально на красной линии улицы зодчий поставил трехъярусный минарет, на нижнем восьмиугольном ярусе которого располагался вход в храм, из него вырастал ствол, завершавшийся конусообразным шпилем с полумесяцем. Неудачную, на первый взгляд, установку купола на высокой крыше следует признать весьма продуманным и оригинальным архитектурным решением зодчего. Дело в том, что по образцовым проектам 1843 г. высота минарета не должна была резко выделяться от уровня высоты купола: их соотношение 1,2 к 1. Двухэтажная мечеть позволила архитектору «законным» образом нарастить минарет.

Теперь мечеть с сенями и минарет оставалось лишь соединить крытым коридором. У базарной мечети отсутствует михраб (вместо него проем двери), хотя в трех из четырех «образцовых проектов» 1843 г., в том числе в выбранном архитектором

варианте михраб зафиксирован. Постройка традиционного михраба, выступа на высоте двухэтажного здания, нарушила бы цельность архитектурной задумки зодчего. Возможно, со временем, в пореформенный период в южной стене к двери мог быть пристроен михраб (об этом, в частности, пишет Н.Х.Халитов), однако слабый фундамент, требующий специального укрепления, видимо, привел к скорому разрушению постройки.

Возведение двухэтажной мечети с высоким наземным минаретом, «отталкиваясь» от одного из «образцовых проектов» 1843 г., стало композиционным новшеством. Разительное отличие базарной мечети от «образцовых» планов заключалось, по крайней мере, в трех моментах: 1) Вместо одноэтажной мечети было возведено двухэтажное богослужebное здание. 2) Минарет сохранил значение традиционно важного элемента культового сооружения. 3) Вместо небольшого деревянного храма по градостроительным нормам было построено значительных размеров кирпично-каменное здание (рис.3).

Базарная мечеть стала первым опытом культового зодчества после классического периода в Казани. «Фасады мечети отразили эклектический характер российской архитектуры середины XIX в. с ее неопределившимися декоративными формами после отказа от классицизма. В декоре фасадов, выполненных в характере российской архитектуры «нового вкуса», присутствовали отдельные детали, придававшие им местный колорит. Здание было ярко раскрашено. На светло-сером фоне стен выделялись цветные орнаментальные узоры и наличники, стены лавок были окрашены в сочетания серого, красного и черного цветов». Полихромия мечети, контрастное сочетание цветов резко выделяли объемное здание на фоне почерневших деревянных и однотонных каменных зданий, издали привлекали внимание.

Все возводимые в дальнейшем мечети Казани были с минаретом над входом и имели две разновидности: с куполом или маковкой над молельным залом и без них. В этом, в значительной степени, проявилось влияние «образцовых проектов» 1843 г.

Российские законы об исламских институтах были разработаны с ориентацией на сельскую местность. Как показывают архивные материалы, в ходе возведения мечети на Сенном базаре Казани не было учтено правило, обязательное для сельской мечети, – сохранение вокруг нее открытого пространства в радиусе 20 саженей.

Справа и слева мечети по красной линии улиц были устроены торговые ряды, сформировав «торгово-духовный комплекс». Согласно «Уставу строительному», ширина городских улиц должна была составлять от 10 до 15 саженей. На этом моменте необходимо остановиться особо. Дело в том, что в городе земельный участок стоил не дешево и на обжитой местности исламское храмостроительство становилось возможным исключительно за счет расширения дворового участка. Архитектор А.К.Ломан проигнорировал предусмотренное законом открытое пространство в 20 саженей вокруг сельских мечетей. Поэтому «высочайше» утвержденный в феврале 1845 г. чертеж мечети, помимо разрешения строительства, позволил мусульманам решить сразу несколько проблем: 1) возвести богослужebное здание, значительно отличающееся от «образцового» проекта, сохранив оригинальную задумку зодчего; 2) сохранить лавки, которые после реконструкции Ибрагим Юнусов обязался передать татарскому приюту; 3) возвести в стесненной местности мечеть с нормативами для ближайших строений, идентичных для православных церквей. Это было исключением из правил, которые на уровне губернского правления в то время свято соблюдались.

Первое пояснение правительства по строительно-техническому аспекту возводимых культовых построек в городской местности относится к 1865 г. В циркуляре Министерства внутренних дел № 2487 по этому поводу говорилось об избрании для возведения культовых зданий иностранных исповеданий мест, имеющих «некоторый простор». Такое расплывчатое определение губернской администрацией трактовалось не одинаково. Православные церкви в городах должны были находиться от соседней межи в расстоянии 20 или, по крайней мере, 10 саженей. На более близком расстоянии допускалась лишь постройка домов для священнослужителей и другие церковные строения.

Мудрости ее мутаваллиев, попытавшихся «в связке» с реализацией социально значимого для города проекта, «пересмотреть» наследие воинствующей христианизации, что позволило бы умме ликвидировать православный «плацдарм» Луки Конашевича в лице построенной столетие назад церкви Захария и Елизаветы в татарской части Казани. Неудача в устройстве татарского детского приюта на месте православной церкви, свидетельствует о том, что деньги в рассматриваемый период решали не все вопросы. Принципиальная позиция духовной власти, статус государственной религии, закрепленный российским законодательством за православием, взяли верх над мнением начальника губернии.

Несмотря на проигрыш на этом поприще, Ибрагиму и Исхаку Юнусовым удалось на близком расстоянии от церкви Четырех Евангелистов, на ограниченной территории, по оригинальному плану, модернизировав рассчитанный для сельской местности «образцовый» проект одноэтажной мечети, по градостроительным нормам построить большой двухэтажный храм с куполом и высоким наземным минаретом, своими объемами резко выделявшийся среди находившихся рядом зданий.

Проигнорировав протесты имама местного прихода Ахмета, терявшего доход в случае раздела махалли, вновь образованная религиозная община по указанию мутаваллиев избрала имамом Садретдина Утяшева, исполнявшего одновременно обязанности учителя в детском приюте и каждую пятницу приводившего своих воспитанников на праздничный намаз в базарную мечеть. В связи с изложенными событиями невольно появляется вопрос: было желание купцов присвоить детское богоугодное учреждение именем здравствующей российской государыни Марии Федоровны данью тогдашней традиции или средством к благополучному разрешению вопроса об учреждении татарского приюта?

Еще одной особенностью Сеннобазарной мечети следует признать разрешение его открытия не как общественной, а «домой», приютской мечетью. «Привязка» мечети к дарственным родовым лавкам позволила с молчаливого согласия местной администрации изолировать духовную власть от вмешательства в вопрос строительства исламского культового здания. Более 10 лет храм существовал без официально зарегистрированного прихода, фактически выступая в качестве местом общественного богослужения приютских детей и торговцев на базаре. На эту особенность статуса данной мечети центральные власти обратили внимание в 1855 г., когда было «высочайше» утверждена передача в дар «мечети при лавках» вместе с лавками на вечное владение приюту.

Появление «домовой» мечети привлекло внимание ведомства детских приютом в плане выяснения материальных возможностей детского учреждения содержать храм, потому что теперь это стало обязанностью его дирекции. На предложение губернского

попечительства изыскать средства на содержание мечети Ибрагим и Исхак Юнусовы заявили, что не могут полностью взять на себя все расходы. Выяснилось, что братья предполагали обратить ее приходскую для живущих по вблизи единоверцев, которые «охотно примут на себя все расходы, а приютским детям представить преимущественную свободу иметь в сей мечети место для богомоления» . По «всепопечительнейшему докладу» министра внутренних дел 21 мая 1856 г. мечеть была из приютской обращена в храм махалли, оставаясь местом постоянных пятничных богослужений приютских детей.

Таким образом, благодаря изложенным обстоятельствам новая мечеть стала доминантой Сенного базара и всей округи татарской части города.

Данному статусу Сенная мечеть соответствовала не только размерами и оригинальной архитектурой, но и расположением рядом с местом сосредоточения торговой и общественной жизни, на передней линии исламо-христианского пограничья, в максимальной близости от русской части города. С центральных улиц города теперь можно было лицезреть не только мечеть первой махалли, но и базарную, на фоне которой первая выглядела приземистой и миниатюрной.

Характерная для городов мусульманских стран базарная мечеть явилась знаковым элементом в культовом ландшафте мусульманской Казани. В условиях отсутствия государственности и административных зданий у татар в этот период она однозначно заявила о появлении нового общественного центра уммы. Мечеть стала местом богослужения предпринимателей города. Ее приход, по сравнению с другими махаллями, длительное время имел номинальный характер.

Сеннобазарная мечеть, в отличие от действующих исламских богослужебных зданий, была возведена на окраине Старо-Татарской слободы, что также следует признать одной из особенностей возведения культового здания. Постепенно ее округа была застроена зданиями татар торгово-хозяйственного и жилого назначения. Базарная мечеть способствовала расширению границ расселения татар, что наглядно проявилось в районе Тихвинской церкви. После пожара 1859 г., почти полностью уничтожившего Старотатарскую слободу, часть русских жителей переселилась в другие городские кварталы. Отдельными зажиточными татарами велась целенаправленная скупка выгоревших участков с последующей продажей единоверцам. В такой деятельности был замечен купец Зиганьша Усманов, построивший в 1868 г. на Тихвинской улице недалеко от одноименной церкви новую мечеть.

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что при изучении истории постройки мечетей в России Нового времени необходимо применение многофакторного подхода, в котором, помимо архитектурного облика храма, существенное место занимают: политика царизма в области исламского культового зодчества, позиции руководства епархии и губернской администрации, общественное и материальное положение заказчика – мутаваллия или доверенного лица общины.

Таким образом, можно выделить следующие моменты, сыгравшие определяющую роль в формировании архитектуры Сеннобазарной мечети: 1) стесненный земельный участок; 2) «образцовый проект» 1829 г. (фундамент, планировка храма); 3) градостроительные нормы (кирпично-каменная постройка); 4) «образцовые чертежи» 1843 г. (куполовидная крыша и минарет над входом); 5) требования и материальные возможности мутаваллиев (двухэтажность и размеры мечети, соседство с лавками, строительный материал); 6) талант зодчего А.К.Ломана, который лавируя между образцовыми планами 1829 и 1843

гг., в переходный период образцового проектирования, сумел выработать новую архитектурную модель исламского богослужебного здания, прижившуюся в Российской империи. А производным, как средство для преодоления препятствия в получении разрешения на возведение джами мечети, его прелюдией, явилось учреждение нетрадиционного для уммы татарского детского приюта.